

Святая Русь и современная Россия

Мы ушли из нее, обвеянные дыханием красоты видений св Руси, свято храним, как завет и упование ведение о явленной в них вечной правде, живем и действуем ради этого смиренного, и в смирении неизъяснимо прекрасного — подлинного сущностного лика России. Под изменчивым, то царственно величавым, то смятенно-страшным историческим ликом России, теплился свет вечного бытия. Слышались тихие звоны белых обитателей, освятивших и весеннюю зеленеющую нежность, и осеннюю багряно-золотистую сквозистость лесов и полей; сияли образы видений Светлого Яра, где сквозь прозрачность чистых вод живым золотом мерцали и звали маковки таинственного града Китежа — и символа, и самого осуществления, воплощения св. Руси.

Мы твердо знали и скорбно помнили, что никогда идеал св. Руси не был явлен в его полноте. Единицы — «угодники» достигали его белоснежных вершин, масса же была темна, подчас жила почти звериной, кровной жизнью. Мы покаянно сознавали, что может быть нигде так резко не ощущалась бездна между чаемым и реальным, между воздыхаемым и действительным, как в России. В известном смысле страшная картина, которую еще в 16 веке один из иностранцев-путешественников наблюдал в Новгороде — пасхальный звон, радость неземная, радость небесной глубины, светлое, воистину, братское целование и валяющаяся в уличной грязи полуобнаженная баба и бесстыжий мужик после нее — оставалась страшным символом и до наших дней. Но всегда эти контрасты переживались как недолжное, греховно-звериное; нестерпимо, — до скорби сердца, до горячих покаянных слез — умаляющее, порочащее правду ига Христова, вольно и смиренно подъятого сознанием, волей народной. Казалось, что в самих стихиях русской жизни светлой печалью была разлита неутолимая жажда исканий царства Христова и правда его, всюду были таинственно всеяны святые семена живых предчувствий града грядущего. Россия была сосудом со спрятанным огнем. На поверхности темная кора вековых обид, звериной

глухой злобы, но там, где любовь и покаяние, смывали этот внешний слой, выступали нежные и чистые линии первозданного рисунка, — замысла сосуда. Недаром так прекрасны и духоносны лики русских святых.

Так ощутимо было дыхание вечной красоты, так целостно полны были явления ее в живых образах святости, что невольно снималась грань между *данным* и *заданным*. Трезвый аскетизм неустанного подвига *созидания* св. Руси, великая требовательность к себе и своему подменялись хмелем возвеличивания осуществленной государственной и национальной мощи. В смесительном соединении «России видимостей» и «России существенностей», в обаянии романтики славы и силы забывалось, что благодатное видение *св. Руси* было даровано *России* как Божие откровение о том, *к чему призвана* Россия, и забывая, что св. Руси только еще *дар прозревающей любви*, а не сама *осуществленная, ставшая онтологией, любовь*, вместо труда и болезни подвига, ограничивались «символическим» освящением поверхности жизни.

Видение своего призвания, как окрыляющее и намечающее путь озарение, *дается всем*, но лишь *подвизающиеся и побеждающие*, как Иаков, «которому семь лет показались за несколько дней, потому что он любил» (Бытия. 29, 20), проносят его сквозь лик земного бытия. У отрицающих, у неприемлющих подвига хранения и осуществления этого дара он отъемлется и отдается другим, более достойным.

Грозная возможность лишения дара, опасность утраты живого ощущения св. Руси, как единственной вечной и творческой основы подлинного бытия России, все реальнее встает перед нашей Родиной. Россия изменяется так, что светлый покров небесных видений Китежа может отойти от русской исторической плоти русской действительности. Может наступит момент, когда Россия, сохранившись как Россия, в целом — изменит своей любви, перестанет быть св. Русью.

Эта угроза одинаково актуальна и для России подъяремной, и для России ушедшей.

В России тревожно быстро растет сектантство. Музыка церковного богослужения — высшее средоточие полноты и красоты глубокой и действенной духовной жизни — перестает звучать. Рвется связь символа с символизируемым, и символ становится только формой. Основная причина этого явления — желание упрощенной «рационально-объяснимой», обмирщенной религии; качественное изменение в сторону ущерба, усыхания самых основ духовной жизни.

Мелочи комфорта — «буржуазной жизни» — не только проникли в гущу даже деревенской жизни, но и прижились ей по душе. Образовался и крепнет, всячески поощряемый, культивируемый в тысячах воззваний, показательных судов, газетных статей и речей вкус к легкой, спокойной жизни; жизни прочной, налаженной, но всецело земной, земляной. Еще сильно и действенно и прежнее, еще по-прежнему горит жаждой целостной в святости явленной правды, но подле и рядом зарождаются, оформляются и становятся бытом и иные настроения, иные идеалы.

Все четче вырисовывается возможность быстрого «обуржуазения» России в наиболее отрицательном значении этого слова.

В произведениях советской литературы, а еще более в бесчисленных человеческих документах, в виде многочисленных писем, корреспонденций — этих «кусочков жизни» — отчетливо выступают основные черты нового восприятия жизни. Святость, тоска о горнем Иерусалиме чужды и непонятны представителям этой множасьей людской формации. Они страстно влюблены в «землю», крепко верят только в силу человеческую; непоколебимо убеждены, что «точная наука» — нечто мечтательное и неопределимое, но всемогущее — все доказала, все разрешила, что техника сумеет создать жизнь легкую и удобную. Как ни странно, но часто в этих голосах новой, подлинно «народной» — в смысле широкого распространения этого типа мировоззрения в толще «земляной Руси» — жизни, в бесчисленных, уверенно радостных письмах с мест о тех или иных

технических «завоеваниях», «достижениях» улавливаешь мотивы торжествующего, еще не раскрывшего и не осознавшего своих внутренних противоречий раннего гуманизма.

В России, особенно среди молодежи, наиболее чутко и широко поддающейся очарованию «победы над природой», технического овладения миром, ощущается подъем творческой изобретательности, напряженных исканий в области технических открытий, улучшений, усовершенствований — вера в технику, служение технике становятся смыслом и задачей жизни. Происходит какое-то смещение «носителей идей» — позитивизм, бывший верой интеллигенции, может стать верой широких масс с тем существенным различием, что все здесь воспринимается проще, последовательнее, не смягчаясь и не «сублимируясь». Наряду с «идеалистами», свято верящими в мощь техницизма, определеннее и заметнее вырисовывается и тип нового «человека из народа» — хищного, властного, безжалостного и бездушного, не только чуждого всем запросам духа, но и сознательно, «оправданно» относящегося к ним, как к условной и вредной лжи.

Крепнет мысль, что материальная культура и идеалистическое, особенно религиозное мировоззрение исключают друг друга, что только материализм мог поставить и действительно поставил вопрос о жизни на надлежащую почву. Жизнь — не средство, а сама последняя и исчерпывающая самоцель, вне материальной жизни только пустыня, небытие.

Кем то была высказано сравнение революции со сном. В этом есть глубокая правда. Революция в народной жизни, действительно реализованной, претворенной в плоть и кровь, страшный кровавый сон, в котором нашли выход душившие народную душу темные силы. Нашли, *но не уничтожились*. Показательны в этом отношении произведения новых советских авторов, устанавливающие генетическую связь так называемых революционных эксцессов с обидами и темной памятью крепостного права. К прежним обидам присоединились новые, и каждый день злобу множить...

Нет и настроения более враждебного, чуждого идеалу св. Руси, как эти темные стихийно-злобные томления и искажения народной души. Они есть и в эмиграции, но не так ярко выражены, не так осознаны.

Идеал св. Руси становится *подвигом, крестным путем каждого*, и немногие идут по нему. Утверждать его — плыть против течения, осуществлять его — бороться с культурой, бороться со всем укладом жизни. Нужно исповедничество, явленность своего идеала в действии, превращение его в опыт личной жизни. В жизни добра решающее значение имеют встречи, именно, с осуществленным, воплощенным добром. Тайна творческого воздействия — тайна побеждающей, заражающей своим веянием красоты нежной любви. Очарование учителя – не в его знаниях, не в его опыте, а в его духовной красоте, в тех токах сверхчувственных, которые идут от него.

Идеал св. Руси взят под подозрение и наш долг — оправдать на деле и подвиг его, силу и действенность.

Ив. Лаговский

Париж